

УДК 070

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-21-32

Трэвел-журналистика К.Д. Бальмонта
на страницах журнала «Весы»
(очерк «В странах Солнца»)

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется трэвел-журналистика К.Д. Бальмонта. В 1905 г. знаменитый поэт-символист впервые обратился к трэвел-журналистике. В очерке «В странах Солнца» описывалось его путешествие в Мексику, прежде всего мексиканские древности. Очерк был напечатан в журнале «Весы», выражавшем литературную позицию символистов. Однако, несмотря на принадлежность Бальмонта к символистам, они практически игнорировали очерк и считали его симптомом творческого кризиса Бальмонта.

Ключевые слова: трэвел-журналистика, журнал «Весы», Мексика, К.Д. Бальмонт, русский символизм

Для цитирования: Одесский М.П. Трэвел-журналистика К.Д. Бальмонта на страницах журнала «Весы» (очерк «В странах Солнца») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 10. С. 21–32. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-21-32

Travel journalism by K. Balmont
on the pages of the magazine “Libra”
(essay “In the countries of the Sun”)

Mikhail P. Odesskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the travel journalism of K.D. Balmont. In 1905, the famous symbolist poet turned to travel journalism for the first time. The essay “In the Countries of the Sun” described his journey to Mexico, primarily Mexican antiquities. The essay was published in the magazine “Libra”

© Одесский М.П., 2023

(“Vesy”), which expressed the literary position of the symbolists. However, despite Balmont’s belonging to the symbolists, they practically ignored the essay and considered it a symptom of Balmont’s creative crisis.

Keywords: travel journalism, “Libra” (“Vesy”) magazine, Mexico, K. Balmont, Russian symbolism

For citation: Odesskii, M.P. (2023), “Travel journalism by K. Balmont on the pages of the magazine ‘Libra’ (essay ‘In the countries of the Sun’)”, *RSUH/RGGU Bulletin*, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series, no. 10, pp. 21–32, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-21-32

К.Д. Бальмонт к середине нулевых XX в. – мэтр символистской поэзии. Он уже выпустил сборник литературно-критических статей «Горные вершины» (1904), опередив в этом отношении других мэтров (Андрея Белого, В.Я. Брюсова, В.И. Иванова), и к тому же завоевал популярность за пределами почитателей нового искусства. «Весы» – заметнейший символистский журнал, с 1904 г. выпускаемый издательством «Скорпион»: Бальмонт участвовал в создании журнала, но затем – в силу особенностей психики и дарования – вполне удовлетворился ролью «брендового» автора. В 1905 г. на страницах «Весов» поэт, наряду с прочими сочинениями, апробировал новый жанр, опубликовав путевой очерк «В странах Солнца». Задача данной статьи – проанализировать специфику критической рецепции бальмонтовского тревелога, прежде всего – единомышленниками-символистами.

* * *

В январе 1905 г. Бальмонт предпринял полугодовое путешествие в Мексику (и затем в США). Он всю жизнь любил странствия, подолгу жил в европейских странах. Более того, его поездки были формой выражения принципиальной установки на многосторонний диалог с «чужим», включавший «чужую» тематику в лирике, статьи и переводы. Но и на этом фоне Мексика выглядела экзотической: «Бальмонт был первым русским писателем, посетившим Мексику и так обстоятельно ее изобразившим» [Куприяновский, Молчанова 2014, с. 142]. Он отправился в вояж с верной возлюбленной Еленой Константиновной Цветковской, однако регулярно делился впечатлениями с верной женой Екатериной Алексеевной Андреевой-Бальмонт. Жена, делая выборки, передавала их в «Весы», а журнал печатал – параллельно с ходом путешествия – части построенного в дневниковой форме очерка «В странах Солнца. Письма к частному лицу из

кругосветного путешествия» (№ 4, 6, 8). В 1910 г. в «Скорпионе» Бальмонт издал мексиканский травелог отдельной книгой под заглавием «Змеиные цветы», куда был включен базовый очерк 1905 г., в новой редакции называвшийся «Путевые письма. Издалёка к Близкой».

Современники, насколько известно, проигнорировав очерк в версии «Весов», на «Змеиные цветы» некоторое внимание обратили. Например, Андрей Белый в рецензии 1910 г., напечатанной журналом «Русская мысль» (где Брюсов отвечал за литературный отдел), дал «Змеиным цветам» емкую характеристику¹.

«Книга распадается на две несоизмеримые по интересу части», – констатирует рецензент и сразу переходит к первой части, т. е. очерку «Путевые письма. Издалёка к Близкой».

По мнению Андрея Белого, специфика очерка заключается в акценте на субъективном авторском восприятии, которое должно не менее интересовать читателя, чем собственно Мексика, и в том внимании, которое автор уделяет поискам «красоты» преимущественно в природе:

Эта часть поистине привлекательна: нам интересна Мексика, нам интересен Бальмонт. Впечатление от Мексики самого впечатлительного из наших поэтов: всё тут – красота, всё – песня. <...> Бальмонт с великолепным мастерством рисует нам ряд полотен – с натуры. Вот мексиканское небо, луна, солнце, вот «быстрая вуаль дождя» бежит по минутным утесам волн...

Разумеется, поиски «красоты» не отменяют информативности («теософия» майя, «национальные типы», «широкие обобщения», дорожные приключения), но они несколько оттеснены субъективным методом изложения, неожиданными переходами от одного к другому, причудливым слогом – «как полотна импрессионистов»:

От природы – к теософии Майев, от Майев – к лирике собственной души, от лирики – к психологической характеристике национальных типов, и далее – к широкому обобщению, прерываемым каким-нибудь остроумно рассказанным дорожным эпизодом. Все это осыпано фейерверком афоризмов, шутками, расцвечено редкими эпитетами и сравнениями, как полотна импрессионистов, горящие красочными мазками...

¹ Здесь и далее: *Белый А.* Собр. соч. Т. 16: Несобранное. Кн. 1 / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад. М.: Дмитрий Сечин, 2020. С. 439–440.

Бальмонт посетил далекие края в страшные для России революционные месяцы 1905 г., он испытывал «тоску по родине», однако вступление в очерк трагической российской темы не поколебало общего диагноза, поставленного Андреем Белым импрессионистическому методу очерка:

...все здесь свежо, живо – все захватывает, как захватывает красной нитью проходящая тоска по родине. <...>

От России – к Мексике, от Мексики – к России; всё здесь – мгновенно, неожиданно, как бы случайно; и во всем здесь – поэт мгновения Бальмонт...

Личность поэта-путешественника заслоняет все. Потому песнь о солнце, обещанная в заглавии очерка и дорогая рецензенту-«аргонавту», оборачивается «тоскующей песней безбрежной тишины и вздохов ветра» (аллюзии на стихотворения и на заглавия ранних поэтических сборников Бальмонта). Потому же весь травелог представляет собой не рассказ о Мексике, а «лирическую импровизацию на тему о Мексике», пусть даже эта импровизация «прекрасна»:

Автор «Путевых писем», блещущих солнечным великолепием, спел новую нам о солнце песнь, и под солнечной красотой, под яркими красками мгновений – все та же тоскующая песнь безбрежной тишины и вздохов ветра. <...> И рассказать ничего не может Бальмонт о Мексике; его рассказ – лирическая импровизация на тему о Мексике, и она – прекрасна.

Справедливости ради следует отметить, что упреки Белого нельзя считать неопровержимыми.

Использованная рецензентом синтаксическая конструкция «От России – к Мексике, от Мексики – к России» обесценивает тему «тоски по родине», однако ведь именно ею Бальмонт открывает очерк (запись от 7 февраля):

Я не пишу ничего о том, какие минуты, часы и целые дни провел я, думая о другом: о том, что сейчас в России. Я не могу об этом говорить. Но, если вспомнить мои слова, я предсказывал в точности... И хотя Брюсов воскликнул: «Мы – пророки, ты – поэт», – и хотя разглагольствующие барашки, мнящие себя тиграми, не видели и не слышали меня, – я оказался до мучительности точно предвидящим. Хотя все же это еще превзошло мои ожидания. Да, при всей черной мнительности, такого позора и такого унижительного ужаса нельзя было ждать. – Перед отъездом из Коруньи (испанский порт, из которого Бальмонт

уплывал в Америку. – М. О.), где я был счастлив, я прочел в испанских газетах, что Горький приговорен к повешению. У меня потемнело в глазах. В эту ночь я как будто потерял рассудок. <...> Быть может, это сказка? С тех пор я отрезан от Европы и не узнаю ничего до приезда в Кубу. Но я не хочу, не могу об этом ни думать, ни говорить. Что я чувствую – знает, кто знает меня...²

Российская тема повторяется и в завершающей очерк записи (от 17 июня), формируя своего рода смысловую рамку:

Да, я не могу не испытывать таинственного восторга и трепета, когда сижу в католическом храме и слышу величественные раскаты органа. Я не могу не плакать и не рыдать, когда я слышу прекраснейшие похоронные песни нашей православной церкви. Но этого мало, мало мне, я хочу, чтобы храм, в который я вхожу, был залит лучами Солнца и весь пестрел цветами. Я хочу, чтобы, когда я молюсь, все кругом было красиво и все молились бы кругом, а не смотрели бы тускло, с чужими, равнодушными лицами. Я хочу, чтобы в храме, где я молюсь, не слышалось жестокого бряцанья монет и чтобы в него не врывался гомон с улицы, убивая святыне внушенья песнопений.

И потому я благословляю людей, строивших храмы на высотах, я люблю потомков Атлантов, которые, молясь, сливали в одно великое очарование – мысли, цветы, слова, благовоения, краски и вольный воздух, и высоту пирамид, с которых виден зеленый океан растений до дальней черты горизонта, под родным лазурным небом, под лучами родного, народившего нас, Солнца³.

Более того, запись от 17 июня – финальная и тем самым помещенная в сильную позицию – вплетает российскую тему в «солнечную», которая, по Бальмонту, – суть очерка (а, по Андрею Белому, лишь покров над «тоскующей песней»). Поэт-путешественник благословляет и любит людей, сливающих «в одно великое очарование – мысли, цветы, слова, благовоения, краски и вольный воздух, и высоту пирамид» «под лучами родного, народившего нас, Солнца», причем произносит эту декларацию автор нашумевшего поэтического сборника «Будем как Солнце» (1903), название которого явно рифмовалось с заглавием «В странах Солнца»

Присутствующая в финальной записи тема «потомков Атлантов», которая символизирует оккультные историсофские смыслы,

² Бальмонт К. В странах Солнца: Письма к частному лицу из кругосветного путешествия // Весы. 1905. № 4. С. 1–2.

³ Там же. № 8. С. 30.

также бесспорно внятна Андрею Белому. Эта тема требует специального изучения, но и без того ясно, что оценка рецензента как минимум полемически заострена.

Хотя вторую часть «Змеиных цветов» составили как раз совершенно не «лирические» материалы о Мексике, они все равно не устроили Андрея Белого:

Не то вторая часть, посвященная главным образом переводам священной книги «Пополь-Ву». <...> Вторая часть – тяжелый балласт к первой части. <...>

К книге приложены репродукции с мексиканских памятников старины. Издана книга прекрасно.

Опять же справедливости ради – Бальмонт горделиво обращал внимание Брюсова именно на эти материалы:

...в этой книге имеется полный перевод Майской Космогонии – Истории, единственный уцелевший веский документ... Ни у Немцев, ни у Англичан не имеется переводов, – точней, пересозданий, – этих замечательных документов. Они имеются сейчас лишь у Французов и Русских⁴.

Согласно Андрею Белому, Бальмонт, автор травелога, остается всегдашним Бальмонтом, «поэтом мгновения», и это – вопреки словечкам «великолепное мастерство», «свежо, живо», «прекрасна» – в рецензии отнюдь не комплимент.

* * *

Полемическая ситуация, выявившаяся при обсуждении «Змеиных цветов», сложилась, однако, еще при журнальной публикации очерка «В странах Солнца».

Дело в том, что по мере роста известности среди «среднестатистических» читателей отношение к творчеству Бальмонта «своих» – чьим печатным органом были «Весы» – мягко говоря, усложнялось.

⁴Переписка с К.Д. Бальмонтом / Вступ. ст., подгот. текстов А.А. Нинова; коммент. А.А. Нинова, Р.Л. Щербакова // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. М.: Наука, 1991. С. 220. Симптоматично, что специалист по культуре Центральной Америки Р.В. Кинжалов отметил отдельные ошибки Бальмонта, но в целом положительно оценил его тексты [Кинжалов 2003].

В № 4 журнала – сразу вслед за первой частью мексиканского очерка – помещена программная статья Андрея Белого «Апокалипсис в русской поэзии», где автор выступил одновременно критиком, теоретиком символизма и историком русской поэзии. Бальмонт в статье не упомянут ни разу – на фоне таких, например, заявлений: «Лермонтовская и пушкинская струи русской поэзии, определившись в Блоке и Брюсове, должны слиться в несказанное единство»⁵.

Бальмонт, задетый зияющим «пропуском» себя, царственно написал Брюсову о «предерзостном ко мне отношении Андрея Белого»⁶. И Брюсов, несмотря на лестные похвалы Белого в свой адрес, вступился за Бальмонта – сразу в следующем номере «Весов»:

Назвав имена шести поэтов, Некрасова, Тютчева, Фета, Вл. Соловьева, меня и Блока, ты пишешь: «Только эти имена (после Пушкина и Лермонтова) и западают глубоко в душу; талант названных поэтов совпадает с провиденциальным положением их в общей системе национального творчества». Конечно, лестно оказаться в числе шести избранных, рядом с Тютчевым и Фетом, – но не понадеялся ли ты, Андрей, слишком на свой личный вкус? <...> И неужели Блок более являет собой русскую поэзию, чем Бальмонт..? Ты расцениваешь поэтов по тому, как они относятся к «Жене, облеченной в солнце». Критики 60-х годов оценивали поэтов по их отношению к прогрессивным идеям своего времени. Те выкидывали из своей схемы Фета, ты – Бальмонта. Право, разница небольшая. Оба метода подают друг другу руки. <...> Предпочитаю быть исключенным из представителей современной поэзии вместе с Бальмонтом, чем числиться среди них с одним Блоком⁷.

Андрей Белый полемику продолжил. В № 6, повторно оказавшись рядом с очерком Бальмонта, второй его частью, Белый опубликовал статью «В защиту от одного нареkania. Открытое письмо Валерию Брюсову», ни в чем не уступив, в том числе относительно Бальмонта: «...мой взгляд на Бальмонта, крупный талант которого глубоко не п р о в и д е н ц и а л е н»⁸.

⁵ *Белый А.* Апокалипсис в русской поэзии // *Весы.* 1905. № 4. С. 26.

⁶ Переписка с К.Д. Бальмонтом... С. 166.

⁷ *Брюсов В.* В защиту от одной похвалы: Открытое письмо Андрею Белому // *Весы.* 1905. № 5. С. 37–38.

⁸ *Белый А.* В защиту от одного нареkania: Открытое письмо Валерию Брюсову // Там же. № 6. С. 42.

Впрочем, и сам Брюсов, в № 5 споривший с Андреем Белым, ранее – в № 4 (т. е. в одном номере с «В странах Солнца» и «Апокалипсисом в русской поэзии») – напечатал рецензию на две книги Бальмонта: первый том собрания стихов и новый сборник «Литургия Красоты» (1905), и рецензия содержала суровую оценку, очень близкую к позднему отзыву Белого на «Змеиные цветы»:

Слишком уж громко и настойчиво твердит Бальмонт о том, что он радостен, свободен и мудр, слишком старается восхвалять веселие бытия, словно боится, что ему не поверят <...> В последних книгах Бальмонта, как и в первых, истинного совершенства достигают только стихи о скорби или тихие, кроткие песни нежной любви к природе и к женщине... но во всех его преувеличенных прославлениях жизни есть что-то намеренное, какое-то усилие, какая-то принужденность языка и чувства. <...> Бальмонт рожден, чтобы жить под Северным небом (обыгрывание заглавия раннего поэтического сборника. – М. О.), чтоб видеть божественное лишь в сопутствии скорби, но современность подсказала ему гимны Огню и Солнцу, прославления Смерти и Ужаса, навязала ему героем Художника-Дьявола («Художник-Дьявол» – поэма, составляющая последний отдел в «Будем как Солнце». – М. О.). <...> Где-то в «Художнике-Дьяволе» Бальмонт говорит: «И я миры отдам за куст сирени!» В жизни он сделал худшее: он отдал свой куст сирени за призрачные миры!⁹

Для посвященных подобное суждение одного мэтра символизма о другом не могло стать сюрпризом. Согласно дневниковым записям М.А. Волошина, Брюсов на перроне, только-только проводив Бальмонта в американское путешествие, изрек:

Сию минуту кончился целый период. Бальмонт десять лет повластно царил в литературе – иногда капризно, но царил. Наши связи рвались постепенно и порвались уже совсем в эти последние месяцы, но теперь он сам отрекся от царства и положил конец... Это только официальное засвидетельствование совершившегося¹⁰.

Зато в апреле 1905 г. – одновременно с нелюбимой рецензией – Брюсов пишет в Мексику такое письмо, что Бальмонт впоследствии хранил его как святыню:

⁹ Вesy. 1905. № 4. С. 50–52.

¹⁰ Волошин М. Собр. соч. Т. 7. Кн. 1: Журнал путешествий. Дневник 1901–1903. История моей души / Сост., подгот. текста, коммент. В.П. Купченко. М.: Эллис Лак 2000, 2006. С. 185–186.

Брат Константин!

Как всегда, Ты мне особенно близок теперь, когда далек, без конца ближе, чем когда нас разделяло расстояние в несколько улиц. Верю и знаю, что буду совсем с Тобой, когда между нами будет грань жизни и смерти. <...> И если я иногда говорю против Тебя и смотрю на тебя враждебными глазами, то – это вражда в области вечного братства...¹¹

В 1909 г. Бальмонт наконец порвал с «Весами», очевидно, раздраженный как необязательностью редакции в печатании его текстов, так и отношением задававших тон в журнале критиков. Его открытое письмо с явным удовольствием перепечатал журнал «Золотое Руно», тоже символистский, но оппонировавший «Весам»:

Считаю роль журнала «Весы», – одним из литературных оснований которого был, между прочим, и я, – окончательно сыгранной, видя также, что в этом году он стал систематическим прибежищем для литературных подростков, коим не суждено никогда подрасти, имея, кроме того, ряд фактов, указывающих на недопустимое по отношению ко мне небрежение правилами простой деловой добросовестности, – я отказываюсь от какого-либо дальнейшего участия в этом журнале¹².

Отношения с Брюсовым притом поддерживались, и лидер «Весов» сам тогда дистанцировался от собственного журнала.

Так что расхождение двух мэтров должно интерпретировать с осторожными оговорками и на разных уровнях. В любом случае: в 1905 г. Бальмонт для «Весов» безусловно «свой», однако не способный более достигнуть уровня прежних шедевров.

Спустя пять лет – к моменту выхода «Змеиных цветов» – уже произносится слово «упадок». Эллис (Л.Л. Кобылинский), наряду с Брюсовым и Белым ведущий критик «Весов», в резонансной книге «Русские символисты» (1910) представил оригинальную концепцию всего направления, где Брюсов знаменовал настоящее, Андрей Белый – будущее, а Бальмонт – прошлое. Оказывается, что еще в сборнике «Только Любовь» (1903) «с первых же страниц чувствуется упадок силы творческого воображения, напряженности душевных эмоций, и изламывается, трескается художественная форма»¹³.

¹¹ Переписка с К.Д. Бальмонтом... С. 160–161.

¹² Золотое Руно. 1909. № 6. С. 79.

¹³ Эллис. Русские символисты: Константин Бальмонт. Валерий Брюсов. Андрей Белый. Томск: Водолей, 1996. С. 102.

Белый в позднейших воспоминаниях кратко суммировал отношение «своих» к Бальмонту, сформировавшееся во второй половине нулевых: Брюсов критиковал «все книги Бальмонта после “Только Любовь”»; я тоже к Бальмонту относился сдержанно; Эллис почти враждебно...»¹⁴.

Почти завершая разбор сочинений Бальмонта, Эллис коснулся и мексиканского травелога (имеются в виду «Змеиные цветы»): «Большие надежды возлагались на предпринятое около этого времени путешествие Бальмонта в Мексику». С одной стороны, Эллис здесь проговорился о литературных надеждах, которые редакция «Весов» – наряду с другими мотивами – возлагала на очерки поэта-путешественника, с другой стороны, в книге эта фраза служит отправной точкой для приговора более сурового, чем у Белого:

Однако все, что прислал из этой страны древних Инков (? – М. О.) «жаждущий новых миров» поэт, было ниже всякой критики. Исследования по эпической поэзии и мифологии древних Квитчей-Майев, описание личных, случайных впечатлений от путешествия – все одинаково оказалось скучным, бледным, небрежным и фальшивым¹⁵.

Дискутировать с современниками Бальмонта и корректировать их оценку едва ли продуктивно, но правомерно добавить несколько очевидных фактов, связанных с очерком «В странах Солнца».

Бальмонт далеко не разочаровался в новом жанре: он в 1914 г. опубликовал книгу «Край Озириса», в которой (под влиянием предыдущей критики?) демонстрировал стремление к информативности и научности, а другие его травелоги не увидели свет по не зависящим от автора причинам.

Андрей Белый, придирчиво рассмотрев травелог Бальмонта, вскоре приступил к собственному: записки о пребывании в Италии и Северной Африке в книжном формате были опубликованы после 1917 г., но отдельные очерки печатались в газетах «Утро России», «Речь» еще в 1911 г. (там же и тогда же, где египетские очерки Бальмонта), и по своим поэтологическим признакам они – на фоне неоспоримого различия художественных стилей двух писателей – близки к текстам мексиканского странника.

Наконец, в монографии «Учители учителей» (1917) Брюсов при описании мексиканских «замечательных руин» сослался на «Змеиные цветы» как на вполне авторитетный источник:

¹⁴ *Белый А.* Начало века / Подгот. текста, коммент. А.В. Лавров. М.: Худож. лит., 1990. С. 424.

¹⁵ *Эллис.* Русские символисты... С. 104.

Любопытные подробности о современном состоянии древних развалин в Мексике см. в книге К.Д. Бальмонта «Змеиные цветы», М., 1910. Там же воспроизведены фотографии с этих развалин и некоторых предметов майских и ацтекских древностей...¹⁶

* * *

Итак, в 1905 г. Бальмонт опубликовал в новом для себя жанре травелога мексиканский очерк в журнале «Весы», а в 1910 г. в издательстве «Скорпион» – книгу «Змеиные цветы», посвященную той же теме. Казалось бы, все располагало к гармонии и пониманию: автор – мэтр русского символизма, «Скорпион» и «Весы» – символистские издательство и журнал. Тем не менее сотоварищи-символисты встретили травелог, по меньшей мере, сдержанно. Создается впечатление, что неприятие «своими» бальмонтовского опыта определялось не столько претензиями к тексту, отнюдь не очевидными, сколько представлением о творческом кризисе мэтра, которое – парадоксально – стало оборотной стороной ширящейся популярности Бальмонта вне «своего» круга.

Литература

- Кинжалов 2003 – *Кинжалов Р.В.* К.Д. Бальмонт и древние культуры Латинской Америки // Санкт-Петербург – окно в Иberoамерику: Сб. докл. М. [Б. и.], 2003. С. 408–421.
- Куприяновский, Молчанова 2014 – *Куприяновский П., Молчанова Н.* Бальмонт. М.: Молодая гвардия, 2014. 345 с.

References

- Kinzhalov, R. (2003), “K.D. Balmont and ancient cultures of Latin America”, in *Sankt-Peterburg – okno v Iberoameriku* [Saint Petersburg – a window to Iberoamerica], Moscow, Russia, pp. 408–421.
- Kupriyanovskii, P. and Molchanova, N. (2014), *Bal'mon*, [Balmont], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.

¹⁶ *Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 7: Статьи о Пушкине: Статьи об армянской литературе: Учители учителей / Подгот. текста, примеч. К.В. Айвазян, М.В. Васильева, Э.А. Полоцкая, Г.А. Татосян, Р.Л. Щербаков. М.: Худож. лит., 1975. С. 370.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; modessky@mail.ru